

В отличие от остолбеневших парней, Ци Шэцзян держался совершенно естественно. Он сжимал в руке складной веер и легонько подтолкнул им Мо Шэна, давая тому знак глазами.

Мо Шэн оказался сообразительным и тут же начал имитировать пение птиц. Пока шел этап «заманивания», к нему присоединился Ци Лэян — они начали перекликаться, работая дуэтом.

Все-таки они были обучены этому в училище. Пусть их исполнение нельзя было назвать божественным, но собравшиеся люди начали похлопывать, осознав суть происходящего: ребята вышли выступать и таким образом привлекают внимание.

Даже понимая, что это лишь трюк, люди оценили качество имитации — раз уж подошли, почему бы не послушать?

Ци Шэцзян улыбнулся и заговорил с толпой, словно старый знакомый:

— Напротив, в театре Пекинской оперы, висит афиша мастера Мо Ганя. Есть ли среди вас те, кто уже купил билеты?

Несколько человек тут же кивнули. Среди местных стариков любителей оперы было предостаточно.

Ци Шэцзян прощупывал почву. Поняв, что перед ним ценители, он решил выложиться по полной:

— Я тоже обожаю мастера Мо Ганя. Позвольте, я изображу для вас кое-что: Гав-ау-ау-ау!

Зрители не выдержали и прыснули со смеху. Ци Шэцзян снова залаял, но на этот раз манера звукоизвлечения была чисто оперной, в стиле амплуа лаошэн (старика), так что окрестные собаки даже ухом не повели.

— Ой, ошибся, по привычке вырвалось, — Ци Шэцзян прервался и начал заново, уже серьезно: — Коварный подданный у власти, вцепился в ханьский трон, В сражение Чу и Хань гремит мечей и копий звон. Великий предок в Сяньяне взошел на пьедестал, Единую страну в покое Тан и Яо удержал...

Он запел отрывок из «Барабанного боя и поношения Цао Цао» — одной из коронных арий Мо Ганя. В прошлой жизни он учился у этого мастера, и даже сам Мо Гань хвалил его уровень. Сейчас Ци намеренно взял высокую ноту. Всякий раз, когда он доходил до сложного пассажа, бабушки и дедушки восторженно кричали «Хао!» (Браво!).

Знатоки понимали: это профессиональный уровень. Великолепный голос привлек еще больше любителей оперы. По сравнению с тем, как эти двое студентов пытались «зазывать» народ раньше, ситуация изменилась кардинально.

В их деле это называется «Крыло открытых ворот». Вводная песня нужна, чтобы собрать толпу. Обычно её поет комик (доугэнь), но сегодня случай был особый — они пришли на «полевой урок».

Мо Шэн и Ци Лэян в душе сокрушались: метод Ци Шэцзяна был прост и понятен, но повторить его обычному человеку невозможно. Можно научиться лаять или петь оперу, но чтобы так? Тут нужна настоящая закалка, чтобы одним «гав» поразить толпу и заставить её замереть.

Ци Шэцзян уже понял вкус аудитории. Он решил сменить репертуар. Сегодняшним зрителям

не подошли бы слишком агрессивные шутки или «прожарка» Чжан Юэ — их это вряд ли бы зацепило. Нужно было что-то традиционное.

Он сделал Мо Шэну знак рукой — волнообразное движение, имитирующее плывущую рыбу. Это был намек на «Рыбку».

В сяншэне у многих номеров есть профессиональные прозвища. Например, «Восемь ширм» называют «Разворачиванием веера», а «Список блюд» — «Реестром». «Рыбка» же — это отсылка к «Рыбе, ищущей любви».

Многие номера сяншэна связаны с пекинской оперой. В таких номерах комик обычно играет профана, который корчит из себя знатока и поет оперу вкривь и вкось, а напарник (пэнгуэнь) поет правильно. На этом контрасте и строятся шутки.

Для сегодняшней публики, знающей толк в опере, это было идеальным выбором. Ци Шэцзян сегодня был напарником, и его безупречный вокал стал главным украшением номера.

Мо Шэн всё понял, но занервничал. Он знал «Рыбку», и вчера они обсуждали программу, но репетировали вскользь — отсюда и мандраж. Однако, деваться было некуда.

Он захлопал в ладоши, вводя зрителей в сюжет:

— Поете вы знатно! Видно, глубоко изучали оперу?

В этот момент Ци Лэян отошел в сторону — это была не его смена.

Ци Шэцзян скромно ответил:

— Так, любительское увлечение.

Мо Шэн подхватил:

— О! Что же вы раньше не сказали? Если любите оперу, вам нужно идти ко мне!

Ци Шэцзян удивился:

— Это еще зачем?

Мо Шэн: — Я же могу вас научить! Я оперный любитель с многолетним стажем! Я в тот театр по соседству даже билеты продавать не нанимаюсь — мест слишком мало!

Ци Шэцзян изумился:

— Ого! Но это же огромный театр на несколько тысяч человек, и вам мало мест?

Слово за слово, пошла «раскачка». Зрители-меломаны, только что слышавшие голос Ци Шэцзяна, заинтересовались: «Неужели этот Мо Шэн еще круче? Собирается учить юношу петь? Ладно, послушаем!»

Даже те, кто привык к обычному сяншэну, поняли, какой это тип номера. Глядя на выступление Ци, им захотелось досмотреть до конца. Мо Шэн играл хвастливого комика-лжеэксперта. В итоге они договорились вместе исполнить версию «Рыбы, ищущей любви» в пекинской опере.

— Что за рыба? — Мо Шэн хлопнул себя по лбу. — Осенняя рыба — самая жирная! Только я со своей рыбой прожил душа в душу несколько месяцев. Жалко её жарить... Давай лучше приготовим на пару!

Ци Шэцзян вскричал:

— погоди! Это еще что за слова? Ты всё равно собираешься её сожрать?!

Мо Шэн тупо переспросил:

— А на пару что, не вкусно?

Ци Шэцзян вздохнул:

— Вкусно-то вкусно, но так нельзя говорить! Нужно сказать: "Мы были вместе много месяцев, и мне невыносимо расставаться!"

Мо Шэн сначала нервничал, но чем дольше они говорили, тем больше он входил в раж. Поддержка Ци Шэцзяна была настолько надежной и «плотной», что он окончательно успокоился.

Номер закончился. Прошло около получаса. Кто-то уходил, кто-то подходил, но в итоге толпа стала даже больше, чем в начале — люди просто шли на скопление народа, создавая «эффект очереди».

Настал самый важный момент — пора открывать кошельки (чумэньцзы).

Существует несколько техник сбора денег. Есть «летающие деньги» (фэйчу), когда зрители бросают монеты в круг. Есть «поднос» (точху), когда обходят всех с корзинкой. А есть «обход по краям» — когда артист идет к самым дальним рядам, чтобы и те «раскошелились».

Ци Шэцзян выбрал «поднос». Он эффектно раскрыл складной веер, превратив его в чашу, и начал обходить толпу, приговаривая:

— Дорогие дяди и тети, братья и сестры, не спешите расходиться. Талантов у нас немного, знаем всего пару номеров, и всё держится на вашей доброте. Если дадите мне пару юаней — значит, я чего-то стою. Вот заводите вы собачку или птичку, кормите их каждый день, чтобы они вас радовали. А мы тут для вас полчаса и пели, и говорили, на улице холодно, а халаты у нас тонкие. Если вам было весело — юань или пять, сколько не жалко. Сами знаете, у мастера Мо Ганя билеты от восьмидесяти юаней, а у меня можно и за восемьдесят фэней посмотреть...

Зрители засмеялись. Речь Ци Шэцзяна была мягкой, логичной и не выглядела как простое попрошайничество. Он иронично сравнил себя с домашними питомцами и под конец вернул шутку про Мо Ганя. Парень имитирует великого мастера точь-в-точь, а просит сущие копейки — выгодно же!

Это была техника «Милосердного призыва» — речи, вызывающие сочувствие. Она идеально подходила для этой доброй пожилой публики. Будь аудитория другой — например, если бы люди долго слушали и не платили, — Ци Шэцзян сменил бы тон на более жесткий («Скребущий призыв»). Там бы он начал сравнивать зрителей друг с другом (мол, неужели вы беднее соседа?) или даже намекать, что уходить, не заплатив — плохая примета для дома.

В нынешнее время молодежь привыкла платить по QR-коду, но у дедушек и бабушек всегда находилась мелочь в карманах. Речи Ци Шэцзяна были настолько гладкими и забавными, что сердца стариков оттаяли. Каждому было не жалко мелочи, и они охотно отдавали её артисту. В мгновение ока веер Ци Шэцзяна наполнился до краев.

Затем Ци Шэцзян решил показать парням, как собирать деньги после коротких реприз. Он глянул на часы — время поджимало. Велел Ци Ляну спеть небольшой отрывок, чтобы удержать толпу, а сам прибрался за столом и снова вышел к людям.

После каждой короткой шутки он собирал деньги, чередуя методы так, чтобы зрители отдавали их с радостью и без претензий. Под конец он перешел на «летающие деньги», призывая всех бросать мелочь прямо на площадку.

Режиссер Танг Шуанцин вместе с помощником и ассистентом, надев темные очки, прогуливался по парку. Он проезжал мимо и, вспомнив, что Ци Шэцзян сегодня помогает ребятам, решил заглянуть — ему было и тревожно, и любопытно.

Еще издалека он увидел плотное кольцо людей и услышал голоса Мо Шэна и остальных.

— Ого, дела-то идут! — глаза Танга загорелись. Поток зрителей был явно в разы больше, чем раньше.

Протиснувшись вперед, он увидел, как Ци Шэцзян виртуозно «заговаривает зубы» толпе, а зрители швыряют деньги в центр круга. Остальные двое по очереди подбирали их. Маленькая коробочка для сбора средств была уже полна до краев. Крупных купюр было немного, но количество мелочи впечатляло.

Танг никогда не видел ничего подобного. Особенно его поразило, как Ци Шэцзян тонкими намеками поддевал тех, кто стоял долго и собирался уйти, не заплатив — людям становилось неловко, и они всё-таки доставали кошельки.

Это и был тот «аромат жизни», который Танг хотел видеть в фильме! Он восторженно велел помощнику тайно снимать всё на видео.

Ассистент вдруг заметил:

— А во сколько они пришли? Посмотрите, Джесси весь в поту, так выкладывается! Хорошо, что тональный крем водостойкий, а то лицо бы уже пошло пятнами, как у зебры.

Танг присмотрелся. Действительно, Ци Шэцзян выглядел измотанным. Режиссер не ожидал такой самоотдачи.

«Хороший парень, ответственный», — подумал он.

Собрав деньги в третий или четвертый раз, Ци Шэцзян сложил руки в приветственном жесте и уступил место Ци Ляну. Сам же он буквально рухнул на землю.

Танг заметил, что поза, в которой тот присел, была какой-то странной. Он обошел стол сзади, чтобы посмотреть.

Ци Шэцзян сидел на земле, скрытый от глаз толпы столом и собственным телом. Он засучил

штанины и торопливо снимал пару деревянных «копытц» — цяо.

Танг застыл на месте. Словами не описать его чувства. Получается, всё это время Ци Шэцзян выступал с сяншэном, одновременно тренируя технику хождения на цяо? И при этом он терпел дикуу боль, сохранял спокойствие на лице и даже умудрялся смеяться!

Мо Шэн и Ци Лэян подхватили Ци Шэцзяна под руки и повели к каменной скамье неподалеку. Они закончили короткий номер, собрали еще немного денег и решили на сегодня закруглиться, чтобы проводить Ци Шэцзян. После снятия цяо ноги у него были как ватные.

— Всё в порядке, я сам дойду, — выдохнул Ци.

Как и говорила Ло Ся, это вопрос «измора». Теперь он мог стоять на них гораздо дольше, чем в первый день. Последний сет реприз длился больше получаса.

И это было еще не всё. Пока ребята выступали, он, сняв «копытца», долго ходил быстрым шагом в стороне. После цяогун нужно обязательно размяться, иначе кровоток не восстановится и ноги просто откажут. И эта разминка была не менее болезненной.

Мо Шэн и Ци Лэян были напуганы. Они никогда не видели, чтобы кто-то так измывался над собой ради тренировки. Выступать на улице на цяо, да еще и отыграть всё до конца — это был путь жесткого, форсированного прогресса.

Они были одновременно в ужасе и в восторге. Ведь Ци Шэцзян даже не был главным героем, и сцен с цяо у него в фильме не так много. Неужели ради достоверности образа мастера Сяо Иньюэ стоило так мучиться?

— Посчитайте, сколько там получилось? — спросил Ци Шэцзян.

Парни высыпали деньги и начали считать. В основном — по юаню, по пять, много монет. В итоге набралось триста четыре юаня и пятьдесят фэней (среди которых какой-то ребенок закинул даже игровой жетон). Это было в несколько раз больше, чем их улов за все предыдущие дни.

И это всего за неполное утро! Конечно, Ци Шэцзян ради их обучения «выжал» из публики всё до последней копейки — у зрителей мелочь просто закончилась.

— Так много! Если бы мы каждый день столько зарабатывали, за месяц вышло бы больше девяти тысяч, — Ци Лэян и Мо Шэн, еще не видевшие настоящих заработков, сияли от счастья.

— Это только потому, что учитель Джесси был с нами. Если делить на троих, не так уж и много, — философски заметил Мо Шэн. — Деньги даются нелегко. Нам еще учиться и учиться у вас.

Ци Шэцзян откашлялся — горло немного подсело:

— Сейчас жизнь хорошая, у людей есть деньги... Но нельзя на это рассчитывать каждый день. Уличный артист зависит от неба. Если пойдет дождь или поднимется ветер — кто придет тебя слушать?

Парни согласно кивнули:

— Верно. Теперь наша цель — выполнить задание режиссера и набрать заветные пять тысяч.

Ци Шэцзян собирался тренировать их всего несколько дней, дальше им предстояло справляться самим. Но глядя на то, как Ци Шэцзян истязает себя на цяо, они бы и не посмели просить его остаться дольше.

— Учитель Джесси, посидите пока, я вызову такси, — Мо Шэн запнулся, увидев группу знакомых людей. Один из них снимал происходящее на портативную камеру. — ...Погодите, это же Танг-дао? — наконец узнал он режиссера.

— Джесси, ты как? — Танг Шуанцинь, проявив человечность, присел рядом с Ци.

Ци Шэцзян не ожидал его увидеть:

— Я в норме. Зачем вы снимаете?

— На память... Ты это, полегче там. Мне аж неудобно стало за твое рвение! — Танг выразил заботу, что было для него редкостью. — Кстати, мы опоздали к началу, но народу было тьма. Много собрали?

— Больше трехсот! — выпалил Мо Шэн. — Танг-дао, вы не представляете, это всё благодаря учителю Джесси. Его метод «юань...» ну, заманивания зрителей — это просто нечто!

Танг оживился. Техника сбора денег его уже впечатлила, но начало он пропустил.

— И как же он их заманил?

Все посмотрели на Ци Шэцзяна.

Тот помедлил и невозмутимо ответил:

— Да просто... погавкал.

Танг Шуанцинь: «???»

Танг Шуанцинь: — В смысле... ты мило кривлялся? (прим: каламбур с "мэн" - мило)

Ци Шэцзян: — В смысле — кривлялся?

Оба смотрели друг на друга в полном непонимании. Наконец Ци Шэцзян сообразил.

— Ничего я не продавал.

Вот так это было. Он открыл рот и выдал еще одну серию безупречного собачьего лая. В этот час неподалеку гуляли два маленьких той-пуделя — услышав звуки, они со всех ног примчались к Ци Шэцзяну, словно увидели родную душу.

Танг Шуанцинь: «.....»

Хозяйка пуделей, не видевшая утреннего шоу, восхитилась:

— Парень, а у тебя здорово получается лаять, прямо как настоящий!

Ци Шэцзян улыбнулся и погладил песика по голове.

Когда хозяйка отошла, Танг пришел в себя, представляя утреннюю картину:

— И ты вот так утром собрал толпу?!

Ци Лэян не выдержал и в красках расписал подвиг:

— Да там, режиссер, такое началось! Сбежалось штук двадцать собак, а птицы во всем парке как заорут на все голоса! Тю-тю-тю! Гав-гав-гав!

...Черт возьми, ну и замашки уличного артиста! Мастер!

Танг Шуанцинь загорелся:

— Завтра еще так сделаешь? Я приду снимать... Хотя нет, вы двое! — Он повернулся к студентам. — Не знаю как, но за два месяца вы должны научиться так лаять. Я вставлю это в фильм!

Мо Шэн, Ци Лэян: «.....»

Танг посмотрел на Ци Шэцзяна с новым уважением и похлопал его по плечу:

— Слушай, ты... Хотя как айдол, хоть как артист сяншэна — ты слишком «хардкорный»!

Ци Шэцзян вежливо улыбнулся, а про себя подумал: «Хардкорный? Это еще что за зверь такой?»

<http://bllate.org/book/17028/1585795>